

В сенях пахло яблоками и еще чем-то родным, не имеющим точного слова. Полумрак вычертил резиновые сапоги, плетеные корзины, покрытые пылью банки на полках, старый холодильник, груды ватников и старых курток, сваленных в одну кучу. Глеб втянул ноздрями этот знакомый воздух и ощутил легкую тревогу: чего-то не хватало. С этой занозой вошел в дом.

Тесть сидел за столом и чистил рыбу. На подоконниках дозревала антоновка, и этот яблочно-рыбный дух свел скулы и наполнил рот голодной слюной.

— Здравствуй, дядь Коль, — сказал Глеб.

Тесть не обернулся, только стряхнул налипшую к ножу чешую.

— Я заночую?

— Ночуй.

Тесть положил нож на край стола. Обернулся.

Мужчины очень внимательно глядели друг на друга, выедавая утаенное, не произнесенное вслух. Дернула хвостом изодранная рыба, и от этого судорожного движения качнулся мир.

— Чего встал? Проходи.

Глеб тяжело, устало разделся, долго путался в намокших шнурках, наконец, выпрямился, но не во весь рост, с грузом на покатых плечах. Огляделся. Попробовал узнать дом.

Привычные вещи не опознавали Глеба. Кровать, тумбочка, шкаф, гипсовый бюст Ленина на комодe — все настороженное, забывшее прикосновение его рук. Пропала фотография, где он с женой и сыном на фоне теплицы, — пустое место на стене. Только защитившийся от пыли квадрат (тридцать на сорок) мозолил глаза.

— Вещи твои на веранде. Нинка сложила перед отъездом.

— Где она?

— В городе.

— Я знаю, где именно?

Старик замялся, но выдавил нехотя:

— У Сажина.

— Ясно. Давно?

— Месяца полтора.

В сенях не хватало коляски, но подумал об этом Глеб отстраненно. Просто мысль. Промелькнула и не оставила следа.

Их комната утратила запах. А чем она пахла раньше? Глеб попытался вспомнить и уже не мог, как будто прошло десять лет. Детские салфетки, подушки из верблюжьей шерсти, волосы Нины, плюшевый медведь, книги на полках — всё вместе это пахло уютом. И конечно, карамельный запах сына... Где всё это?

Мужчина сел на кровать.

Вошел тесть. Положил на стул постельное белье.

— Баню затопить?

— Да.

В комнату забежал Марсик — белый облезлый кот с разодранной бровью, прыгнул на кровать и положил голову Глебу на колени. Мол, я тебя признал, держись.

Горький комок подкатил к горлу. Чтобы его задавить, Глеб начал с силой гладить кота. Тот понимал, терпел и не вырывался. Только урчал горлом и хлестко бил хвостом по кровати.

Наконец отпустило. Выдохнул, сбросил кота. Подошел к окну, взял яблоко с подоконника, взвесил его мягким движением, подкинул, положил на место. За окном, на краю деревни, вмерзла в пейзаж вековая береза. На самой вершине аисты свили гнездо. Глеб смотрел на это гнездо. Аистов не было. А он смотрел и ждал, когда же они прилетят.

Вернулся тесть с улицы, прошаркал на кухню. Через пару минут зашипела сковородка.

Глеб достал из рюкзака застиранный маскхалат, переоделся.

— Иди ужинать, — позвал тесть.

На сковородке дымился жареный лещ. На столе — черный хлеб, нарезанный мужскими кусками, соленые огурцы, сало. Бутылка водки. Две пузатые стопки. Тесть с сомнением поглядел на Глеба.

— Чего вырядился?

— Тебя не спросил.

— Ты не хами. С тобой по-русски разговаривают.

— А я что, по-китайски?

— Водку будешь?

Глеб жадно сглотнул.

— Буду.

— Тогда разливай.

Глеб сел на скрипучий стул, свинтил пробку одним резким движением, наполнил стопки до краев.

— С возвращением, — произнес тесть. — За то, что живой.

Чокнулись и выпили.

Водка провалилась в пустой желудок и обожгла. Глеб сморщился.

— Закусывай.

Мужчины набросились на еду. Тесть ел со значением, внушительно пережевывал, аккуратно откладывал мелкие кости на край тарелки. Глеб жевал жадно и суетливо, наполняя желудок горячей рыбой, огурцами, салом — всем подряд.

Налили еще по одной, выпили.

— Что делать будешь?

— Не знаю. Работу найду.

— У тебя взгляд пустой, тебе в себя прийти надо.

— Приду.

— Конечно, придешь, куда ты денешься. Жену потерял, сына потерял...

— Заткнись, дядь Коль.

— А то что?

— Кадык вырву, — произнес с расстановкой, без злобы, и от этого спокойствия стало страшно.

— Ты в зверя превратился.

Глеб ничего не ответил. Налил еще по одной.

— За всех... — и, не дожидаясь теста, лихо опрокинул стопку.

— Не нажрись, смотри. С пьяным не буду возиться.

Глеб снова промолчал. Только глаза осветились твердым, на крови закаленным светом.

Баня пахнула жаром ста тысяч солнц, но этот жар не тревожил, а успокаивал. Только медный крестик мгновенно накалился и Глеб, матерясь, торопливо сорвал цепочку. Сел на полок, спрятал лицо в ладони, размазывая выступившие капли пота. Покраснел шрам на правом предплечье. Пуля прошла навывлет, рана стянулась быстро, но сейчас в бане плечо заныло тягучей болью, как будто в него гвоздь вогнали.

Тело было худым, скукоженным. Распаренная кожа вычерчивала красным изгибы ребер. От жары и странных, сладких мыслей затвердела... плоть, и Глеб вскочил, заходил из стороны в сторону, смахивая со лба капли пота, растирая его по телу. Наконец, не выдержав, он подошел к

баку с холодной водой и нырнул в него головой. Взметнулся вверх, фыркнул. Потом набрал таз, окатил себя, шумно и часто задышал. Успокоился. Сладкие мысли ушли. Вадим, молодой сапер во взводе, говорил, что передернуть не грех, мол, саперу полезно передергивать, спокойней будет. Вадима накрыло «градом» под Дебальцево. Собирали по кускам.

Глеб залил кипятком свежий дубовый веник, еще раз окатил себя водой и вышел в предбанник. Облако пара поднималось от красного тела к потолку. Глеб достал сигареты и закурил, приоткрыв дверь. Свежий вечерний воздух погладил спину.

Потом он парился до изнеможения, с силой хлестал себя веником, оставляя на теле вздувшиеся багряные полосы. Выбивал из себя отчаяние, заполняя пустоты влажным дубовым духом. Это была молитва. За мертвых и живых, за Нину, за сына, за то, что всё не зря, не зря...

Тесть приготовил ему чистую рубаху.

— Переоденься.

Глеб скинул маскхалат.

— Что это? — тесть указал на мелкие подсохшие нарывы на груди.

— Сигареты тушили.

Помолчали.

— Эх, парень ты, парень...

— До свадьбы заживет, — Глеб попробовал усмехнуться.

— Долго ты был... у них?

— Пятьдесят два дня.

Тесть покачал головой.

— Дядь Коль... — в голосе Глеба прорезались просящие нотки. — Есть еще выпить?

Тесть плюнул и пошел на кухню. Вышел с новой пол-литрой.

— Последняя.

Брезгливо бросил стопку на стол.

— Сопьешься.

— Плевать.

Пил Глеб муторно и тяжело. Теплая водка не лезла, и он с усилием проталкивал ее внутрь, сглатывая сивушное послевкусие, заедая свежим хрустящим луком. Взгляд туманился, зарастал болотной ряской. Лопнули капилляры на глазах, белки покрылись красными трещинками.

Тесть сел в кресло, включил телевизор. На экране хорошие дядьки ловили плохих. Один долгий, затяжной сериал, имитирующий жизнь. Идет уже много лет. Меняются актеры, режиссеры, сюжет, название, а сериал все тот же: безвыходная дрянь.

— Интересно? — спросил Глеб.

— Нормально.

— Ну раз нормально, смотри.

— Я и смотрю.

Водку Глеб не допил. Уронил голову на стол и засвистел слипшимся пьяным свистом. Тесть чертыхнулся, подошел к столу и обхватил парня сзади. Поднял на ноги одним резким рывком.

— Давай, давай... Свинья...

Потащил в комнату. Глеб пьяно мычал и отмахивался.

Уложил на кровать, накрыл одеялом. Несколько минут смотрел на парня, как тот проваливается в долгожданный сон. Потом вышел на улицу позвонить.

— Алло... Нина... Знаю, что поздно. Глеб приехал... Спит... Просто звоню, чтобы знала... Передать что? Хорошо, как знаешь... Давай, пока.

Достал сигарету, зло чиркнул спичкой, с наслаждением затянулся.

Дома он выплеснул остатки водки в стакан, выпил тремя большими глотками. Закусил лепестками лука.

В кровати тесть долго ворочался, не мог заснуть. Полная луна прорезалась сквозь занавески, рассекая комод холодным серебряным лучом. С мудрым прищуром

смотрел Ленин на этот мир. Тесть выходил покурить, возвращался, снова ложился в кровать. Сна не было. Как не было и покоя в душе.

Среди ночи Глеб заорал. Долгий звериный рев забил до отказа пространство избы, требовал выхода и рвался в небо. Глеб орал пьяно и страшно, из другого мира, который схватил его за губу и не отпускал, выкручивал.

— Что ты? Что?

Тесть подбежал, схватил парня за плечи, затряс его, думая разбудить, но Глеб не спал. Глаза его были распахнуты. Он смотрел на тестя, не узнавал его и продолжал орать, ввинчивая в уши грязную муть, боль и что-то еще, абсолютное и нечеловеческое, засасывающее на дно.

— Да что же это...

Старик зажал ему рот ладонью, но тут же вскрикнул и отдернул прокушенную руку. Залепил с кулака по лицу.

Глеб не чувствовал боли, продолжал орать, останавливаясь только для короткого вздоха.

— Что ж ты, парень...

Глеб сжался на кровати, подобрал ноги, как сжимаются младенцы в животе у матери, силясь спрятаться от чего-то ужасного, наступающего. Но скрыться не удавалось, и он продолжал орать охрипшим горлом, не в силах вырваться из сонного морока.

И тогда тесть схватил яблоко с подоконника и запихнул ему в рот. Полетели брызги в разные стороны. Кислый вкус детства попал на язык, и этот момент узнавания вернул равновесие в мир.

Глеб подавился и зарыдал, и тесть схватил его голову и прижал к груди, принимая старческой впадинкой надкушенное яблоко. А тот вцепился в старика своими худыми узловатыми руками и прижался к нему, как ребенок, размазывая слезы и сопли, в надежде, что его поглядят и защитят.

— Ну всё, всё, парень, всё...

Морок отступал. Тесть гладил Глеба по вихрастой голове, тот плакал ему в живот, скулил, как побитая собака, и во всем русском мире не было людей роднее.